СДАЕТСЯ КОМНАТА С ФОНТАНОМ

Маша Гладыш

Маша Гладыш

Сдается комната с фонтаном

«Автор»

2022

Гладыш М.

Сдается комната с фонтаном / М. Гладыш — «Автор», 2022

Дешёвая квартира в центре Питера - в чем подвох? Может, все дело в старом неработающем фонтане, из которого вдруг начинает сочиться вода, перенося юную Марианну в другую загадочную реальность, где живут призраки, а люди безвозвратно превращаются в котов? Или её зовут Маша? Кто она такая, и чего от неё хочет фонтан в старой квартире, где исчезают и погибают люди.

© Гладыш М., 2022
© Автор, 2022

Маша Гладыш
Сдается комната с фонтаном

Глава I

Объявление, напечатанное в бесплатной газете, которую бросили в почтовый ящик вместе с пачкой рекламных листовок, я зачитала вслух, а Лиза, смеясь, сказала, что это мошенники. Сто процентов.

– Ты, Мари, из параллельной вселенной. Никто уже лет сто не дает объявления об аренде квартир в газетах. Да еще в центре Питера, – в самом центре, если что. Даже звонить туда не советую.

Вообще-то, я приехала из Томска. Это не совсем параллельная вселенная, и у нас тоже давно не дают серьёзных объявлений в газете. А может, я просто не читаю газет. Как любой нормальный современный человек. И все-таки я позвонила.

Трубку долго не брали. Я уже собиралась отключиться, когда очень высокий голос (я бы сказала, писклявый, если бы он не был преисполнен почти высокомерного достоинства) ответил мне, растягивая гласные и отдельные согласные:

«Ал-л-лоу. Слу-уша-а-ю. Го-во-ри-и-те».

Я представилась и сразу же уточнила стоимость жилья (не теряя мысли, что, возможно, хозяйка по рассеянности дала в рекламный отдел ошибочную информацию), но получив ответ, который вполне соответствовал тому, что видели мои глаза, подумала: увы, Лиза, скорее всего, права. Комната в центре Питера не может стоить пять тысяч рублей в месяц. Никак не может. Ни при каких обстоятельствах.

Я даже не стала спрашивать про фонтан, который, собственно, и заинтересовал меня при беглом просмотре газеты. Наверное, стоило поблагодарить обладательницу высокого голоса и забыть об этой истории (а заодно закончить и нашу историю, толком ее не начав). Но неожиданно я спросила, когда будет удобно подойти, чтобы посмотреть комнату.

Кто бы что ни говорил об интуиции, но уже тогда я точно знала, что не пройдёт и суток, как я перееду, и жизнь моя сделает очередной вираж, про который бабуля, знай она, что творит «в столицах» ее единственная внучка, обязательно сказала бы: опять села задом в торт!

Широкая парадная на задворках Невского проспекта в старом важном бородатом балконами доме, который, очевидно, когда-то занимал солидную должность среди Питерских особняков, изрядно потрепалась временем. Кое-где внушительный слой краски, которой неоднократно портили стены, отвалился, местами открывая старинную роспись. Тут же маркером кто-то накалякал неровно: «Зачем вы это сделали, гады!», обращаясь не то к малярам, не то к революционерам, не то к бандитам, испортившим подъезд (уж, просите, мой не питерский акцент – я из Томска, если что).

Нужная квартира нашлась на последнем этаже. Я попробовала нажать на кнопку звонка, но быстро убедилась, что она не работает, и неуверенно, после недолго колебания, постучала в мягкую обивку.

Дверь после некоторого затишья открыла дама столь преклонных лет, что оставалось удивляться, как ловко и бодро она передвигается пусть на небольших, но все же каблучках, которые с достоинством, подобающем преклонному возрасту и претензии на аристократическое происхождение, поцокали по черному, явно не исконному, липкому паркету, когда она пригласила меня, не разуваясь («не беспокойтесь об этом, дорогая») (очень хорошо), следовать за ней.

Присутствие в доме кошек угадывалось по мельканию вдали длинного неосвещенного коридора с плотно закрытыми комнатами (по правой стороне) гибких мохнатых теней и рас-

пушенных злых хвостов. Запаха, к моему удивлению, не ощущалось. Кошачьего. Да и любого другого, как ни странно. Квартира, как и хозяйка, выглядела не богато, но достойно. Не будем снимать старушке очко за паркет.

– Прошу вас, дорогая, – пожилая дама с усилием, а потому как будто резко, распахнула дверь в комнату с такими огромными окнами, что дневной свет мигом озарил мрачный коридор, где, похоже, активно экономили электричество.

Или по естественным причинам опасались дневного света, промелькнуло у меня в голове, и я почувствовала липкий, как паркет в коридоре, страх. Мысль, что старушка может быть не такой уж безобидной, в окружающей обстановке не казалась безумной, и я за нее ухватилась. Хотелось назад, под холодное солнце Питера, на свежий воздух, к людям. Казалось, вот он Невский – за углом – бурлит, течет, спотыкается о поребрики, бежит еще быстрее, а тут… такая тишина стоит. Электрическая тишина, которую опасно нарушать.

Просторная, с высокими потолками, аскетично обустроенная комната выглядела удивительно благодаря той самой необычной детали интерьера, о которой упоминалось в объявлении.

В центре, там, где стоит обеденный стол или, скажем, диван у обычных людей, что ходят на работу и возвращаются после семи ужинать, громоздился фонтан, исполненный в виде мальчика-подростка с крупным каменным цветком, наподобие лилии, в руке. Из этого цветка, видимо, когда-то вытекла вода, оседая в чаше, которая напоминала таз. Мальчик в этой положении смотрелся нелепо. Хотелось ударить его по плечу и посоветовать сменить дислокацию.

Лицо у юноши пошло трещинами, но сохранило веселое, почти озорное выражение, отчего фонтан не выглядел, несмотря на свой размер и необычное место обитания, угрожающе. Инородный элемент, не более того.

– Нравится? – с надеждой (как мне показалось) спросила старая дама.

Мне нравилось не очень, но я вежливо кивнула. В голове пронеслось: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?».

– Хорошо, – сказала старая дама. – Некоторых смущает это маленькое неудобство, – она указала ухоженным пальцем на фонтан. Бежевый лак, коротко, под корень, стриженные ногти. Никаких заусенцев и кровавых подтеков вокруг. Я спрятала руки в карманы. – Если вас все устраивает, я сейчас принесу договор.

– Договор? – рассеянно переспросила я. Она что – вот так просто готова сдать мне комнату? За пять тысяч? Не задав и пары стандартных вопросов? Может, я уголовник, наводчица, маньяк, расчленитель? Ничего позитивного в голову не приходило.

– Да, – подтвердила старая дама. – Всего несколько моментов, на которые я попрошу вас обратить внимание. Ничего особенного, не пугайтесь вы так, – очевидно, кровь на цыпочках сошла с моего лица – в то время как я сама медленно отступала в сторону выхода, и она ловко перегородила мне путь собой. – Не волнуйтесь. Осваивайтесь тут, а я скоро.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и вышла, плотно закрыв за собой дверь. В одиночестве, в непосредственной близости с юношей, чья неестественная веселость мало сочеталась с более подходящей фонтану бледностью, мне стало не по себе. Мысль покинуть неуютные и негостеприимные стены прочно укрепилась во главе всех остальных, хаотично прыгающих за ней, и я стала придумывать причины, по которым откажусь от комнаты. Все казалось мне неправильным.

Сейчас старая дама вернется, и я скажу: моя подруга Лиза, у которой я живу с тех пор, как приехала из Томска, только что позвонила и слезно просила не съезжать так скоро. Что я уже заплатила ей вперёд за несколько месяцев, и вообще, прошу прощения, что отняла у хозяйки ее драгоценное время, которое она могла с пользой потратить на другого более перспективного квартиранта.

Оттачивая оправдательную речь, я отошла к окну. Мне открылся вид на глубокий, словно пропасть, питерский двор. Даже голова закружилась. Нет, не отпускал меня от себя родной деревянный Томск, хоть и прошло уже почти полгода, как я его покинула.

Кажется, именно в этот момент я услышала за спиной зловещий лепет воды. Как плач мёртвого ребёнка. (Тьфу, откуда я это взяла?) Хотя нет, не так. Звук напоминал, скорее, подтекающий кран. Кап, кап, кап-кап-кап…

Я обернулась и, по-моему, не сильно удивилась, увидев, как из глаз юноши вытекают слезы, по белой руке стекают они в цветок, выкатываются оттуда и хлюпают на пол. Все было так странно, что самое невероятное казалось нормальным. Погодите. Это уже и не капли, а вполне себе приличный ручеек струится на чёрный паркет (не от того ли он черен) через незамеченную ранее дыру в каменном “тазу".

Как бы потопа не случилось. Это же не я виновата? Предчувствуя объяснение с хозяйкой, я приготовилась обороняться.

Готова поклясться, что ничего не трогала, к мраморному юноше пальцем не прикасалась, ничего не крутила, не вертела и, тем более, не ломала.

Одновременно с трудом верится, что в квартире, пусть и не совсем современной, работает, как ни в чем не бывало, дореволюционный фонтан!

Естественно, мне стало любопытно, и я подошла ближе. Можно сказать, что против воли, что зрелище загипнотизировало меня и околдовало. На самом деле, нет. Абсолютно трезво соображая, что делаю, подошла я к самому невероятному приключению в своей жизни. Протянула руку и дотронулась до цветка. Тут комната поплыла куда-то мимо, и я упала.

***

Очнулась я в своей комнате. Комнате, которую выделила мне Лиза. «Живи, сколько хочешь. Только коммуналку и еду пополам делим».

Мимо, запихивая вещи в чемодан, носилась, собственно, Лиза. Минуточку. Это разве не МОИ вещи?

– Я реально не понимаю, как ты могла отказаться? – причитала она, не обращая внимания на мое мычание, которым я пыталась выразить недоумение. – Так что сама виновата, подруга. Кто ж знал, что так все получится?

Я села на кровати.

– Что получится? – повторила последнюю фразу за Лизой. – Что происходит?

– В смысле? – не поняла Лиза. – Вот только не надо так на меня смотреть! – она театрально, но неестественно (недаром провалилась на актерское) всплеснула руками, застегнула молнию на чемодане и подкатила его к кровати, на которой я сидела, – Ну, у тебя же хватит денег на комнату в хостеле? Пока ты не найдешь новую работу?

– А зачем мне нужна новая работа? – ещё большее удивилась я. Мы с Лизой познакомились, когда я устроилась работать продавцом – консультантом в сетевой косметический магазин, и последние месяцы трудились посменно.

Лиза сочувственно на меня посмотрела.

– Умом тронулась, да? И когда только успела? Конечно, неприятно, что тебя сегодня уволили, но, скажем честно, это не была работа твоей мечты. Сама говорила.

Ну, допустим, говорила. Хотя, наверное, на свете немало девиц, мечтающих работать в индустрии красоты.

И все-таки для верности я незаметно себя ущипнула. Когда меня успели уволить?

– Погоди, – попыталась я разобраться. Если возможно, то с помощью логики. Последнее воспоминание – комната с фонтаном. Как ушла, как вернулась домой – провал. А теперь выяс-

няется, что меня уволили. Не самый приятный сюрприз. – Лиза, не тараторь. Меня уволили? Взаправду?

Лиза села рядом и взяла меня за руку. Хотя по опыту могу сказать, что утешитель из нее неважный.

– Серьезно, так плохо? Может, у тебя посттравматический шок? – предположила она и вздохнула, изо всех сил пытаясь изобразить сочувствие. – Да я сама в шоке – родители не собирались приезжать раньше зимы. Неловко вышло, да? – если она рассчитывала, что я скажу «да не парься, просто забей, все норм», то просчиталась. Мне некогда. Я только-только из разбросанных пазлов начала составлять целую картину. – Когда они смотаются, ты обязательно сюда вернешься. Если захочешь.

Мне показалось, или она надеялась, что я не очень захочу.

Собранный чемодан стоял у кровати. Итак, я переезжаю. Интересно, куда?

– Лиза, коротко и по порядку расскажи, что случилось.

– Ок, – вздохнула Лиза. – Ну, че, правда, не помнишь? – на всякий случай еще раз уточнила она. – Или придуриваешься? – закатив глаза, я продемонстрировала всю нелепость этого предположения. – Ок, – повторила Лиза. – Вчера ты вернулась от сумасшедшей старухи. Она предложила подписать какой-то дурацкий договор. Ты испугалась и сбежала. А вечером мне позвонили родители и сказали, что приезжают завтра, то есть уже сегодня. Ты же понимаешь, что будет, если они узнают, что я тебя к себе поселила? Сразу за хату эту платить перестанут. Мы договорились, что ты съедешь днем, после работы, но так удачно сложилось, что утром тебя уволили. Извини, – ойкнула Лиза и тут же с надеждой посмотрела на меня. – Слушай, а ты точно к той бабке вернуться не можешь? Или ты действительно ее чокнутой обозвала, когда убегала? Если обозвала, то, конечно, не вернешься, – продолжила разговор уже сама с собой Лиза. – Жалко. Такой вариант профукала. Подумаешь, договор. Договор – значит все по-взрослому. Надежно.

– Лиза, – остановила я ее. – Это все было вчера? Я вчера ездила смотреть комнату?

– Ну, так, а я о чем говорю. Вчера, конечно, – Лиза встала. – Ладно, дорогая, тебе пора. Мне еще комнату эту убрать надо к приезду родителей. Удачи!

Я тоже встала.

– Лиза, а воды можно? Последний стакан, – хмыкнула я.

Лиза так спешила от меня избавиться, что притащила вместо стакана бутыль.

– Забирай с собой. Мне не жалко.

Я открыла крышку и сделала глоток, но неловко пролила часть себе на футболку.

В следующий момент я обнаружила, что лежу на паркете в комнате с фонтаном. Надо мной склонилась старая дама.

– Что же вы так неосторожно? Поднимайтесь, поднимайтесь скорее, – хлопотала она, обмахивая меня договором.

– Я принесла бумаги. Обратите внимание на пункты 2.1. Они касаются моих обязательных требований к квартиросъемщику.

Я послушно села, взяла договор и прочитала: «2.1. Квартиросъемщик обязуется – не врать, не совать нос в чужие дела, не сплетничать с соседями, не терять самого себя, не бояться и не отпирать закрытые двери».

«Она чокнутая», – с ужасом подумала я, особо впечатленная запретом на утрату самоконтроля, столь витиевато преподнесенную.

– Ну что, прочитали? – спросила нетерпеливо дама. – Подписывать будете?

Я оперлась о холодный мрамор, из которого был сделан фонтан, поднялась и спросила:

– Один вопрос. Этот фонтан – он работает?

Старуха опустила голову к груди и посмотрела на меня поверх очков в позолоченной оправе причудливой формы, которые увеличивали ее глаза, делая похожей на доброго мультяшного персонажа. Очки сползли.

– Дорогая, – строго сказала она, возвращая их на место, – очевидно, вы слишком сильно ударились головой, когда падали. Разумеется, этот фонтан не работает. Надо же такое сказать, – фыркнула она.

Действительно, сморозила глупость. Однако обстоятельства складывались так, что я уже привычно переставала удивляться происходящему.

– Чем подписать? – я была почти готова услышать в ответ зловещий шепот: «кровью», однако, старуха спокойно и, кажется, удовлетворенно достала из очечников, болтавшихся на груди на тонкой золотой цепочке, ручку-паркер.

– Меня зовут Мария Александровна. И, пожалуйста, никаких фамильярностей, – как будто с ней это могло прийти в голову. – Когда вы думаете заселяться?

Если отбросить в сторону мысли не заселяться вовсе, то я планировала переезжать от Лизы через неделю – как-никак от нее до работы добираться гораздо удобнее. Но, вспомнив странное, но такое реальное одновременно происшествие, подумать о котором времени не было совершенно, спросила:

– А сегодня вечером можно?

Мария Александровна пожала плечами, вытащила из небольшой холщовой сумочки, переброшенной через плечо, старый ключ с большой затейливо отлитой шляпкой и протянула его мне. Складывалось впечатление, будто она предвидела каждый мой шаг на минуту вперед. А то и дольше.

– Вечерами меня не беспокоить, не искать и, упаси Боже, звонить.

Интересно, куда я буду звонить, если мобильного телефона старуха мне не дала? Разве что на городской.

Когда я вышла на лестничную площадку, а тяжелая дверь с потрепанной обивкой и торчащими, как неухоженные и давно не мытье волосы, клоками ваты захлопнулась за спиной, из квартиры напротив немедленно высунулась модная седая короткостриженная голова с крупными красными камнями в ушах.

– Новенькая? – ехидно, как мне показалось, спросила голова.

Я не знала, что ответить, и кивнула.

– Ну-ну, – прокомментировала голова и скрылась.

***

Лиза удивилась, что я переезжаю так внезапно и так скоро.

– Слушай, не дури, а? – шныряла она рядом, пока я скидывала, не укладывая, свой скудный багаж в чемодан. – Нам так весело было. Ты меня совсем не напрягала. А старуха эта твоя – сумасшедшая. Будет ночью в коридорах выть и в суп твой писать.

Фу. Я живо представила эту картину. Как Мария Александровна с растрепанными седыми волосами и длинной до пяток ночнушке скачет возле моей двери и завывает, вытянув морщинистую, точно куриную, шею. Вместе со своими неуловимыми кошками. Что ж. Не так это фантастически и выглядело.

– Я попробую все-таки, – решила я. – Присядем на дорожку?

Мы не только присели, но и выпили по чашке чая. Потом еще по чашке. В итоге, до своего нового жилища я добралась только к половине одиннадцатого вечера.

***

Гул бурлящего и днем и ночью Невского стих, едва я завернула во двор. Подъезд тусклыми желтыми бликами освещали старые пыльные лампы высоко под потолком. Воняло жареной рыбой. И чужим скандалом.

Я поднялась на последний этаж. Постучала. Неловко в первый же день открывать дверь собственным ключом. Прислушалась, когда не открыли. В квартире тишина. Ни звука каблуков, ни мяуканья котов.

Постучала еще раз. Потом вспомнила, что хозяйка не велела беспокоить ее по вечерам, вздохнула и вставила в замочную скважину массивный ключ. Он едва умещался в моей сумке вместе с паспортом, картами и телефоном.

Меня бы нисколько не удивило, если бы он не подошел. Однако он, напротив, легко повернулся, раздался щелчок, дверь открылась.

В абсолютной темноте в прихожей горели три пары кошачьих глаз. И ни звука при этом. Ни шороха, ни мяуканья. Под их напряженным наблюдением я затащила чемодан и стала искать выключатель, но пальцы только беспомощно скользили по голой, крашенной дешевым глянцем, стене.

Глаза мои, тем временем, привыкли ко мраку, и я решила добраться до своей комнаты впотьмах. Волоча чемодан, в сопровождении трех скользящих вдоль стен котов, прошла я мимо трех запертых дверей, в чем убедилась, подергав поочерёдно пыльные ручки (отвратительное чувство), и остановилась возле комнаты с фонтаном. Она единственная оказалась не заперта. «2.1 не бояться и не открывать запертые комнаты». Хорошо, что замки не поддались. А то ввалилась бы туда и… и что? Какое наказание?

Чувство, что мне повезло, усилилось.

По крайне мере, один пункт договора я выполнила. Только вот со страхом справиться намного сложнее.

Силуэт мальчика с цветком в каменной чаше фонтана застыл в свете полной луны за окном. Он выглядел одиноким и печальным.

Кстати, давно замечено, что все страшные истории начинаются в полнолуние.

На этот раз я легко нашла выключатель. Комнату лениво озарил большой плетеный абажур над головой мальчика. Они, как жители разных эпох, едва терпели вынужденное соседство.

Но даже когда темнота на цыпочках отступила, тишина чужой квартиры давила со всех сторон, подталкивая меня в невидимый круг, в котором, я чувствовала, со мной случится что-то нехорошее.

Позади раздался несмелый шаг. Так осторожно переступают с пятки на носок без обуви. Только это шлепок босой ступни. Или скорее мягкое шуршание шерстяного носка.

Я боязливо, но быстро, оглянулась. Никого. Даже тени котов растворились, как расползаются, ещё недавно имевшие очертания знакомых предметов, облака.

Кровать у окна полностью застелена свежим ослепительным бельем. Оно пахло и хрустело прачечной. Возле двух насаженных друг на друга подушек лежали три полосатых полотенца. От них исходил тонкий аромат душистого мыла. Горьковатый, старый запах. Так пах бабушкин халат по утрам. Уже к завтраку она переодевалась в домашнее платье. Платье пахло по-другому. Оно пахло кофе, яичницей, жареным хлебом, маслом, немного хлоркой и абрикосовой косточкой.

Я был уверена, что заснуть в этой странной комнате, расположенной в не менее странной квартире, будет сложно, однако, едва я переоделась в пижаму и улеглась в кровать, как немедленно уснула. Если какие-то сны мне и виделись, то я их не запомнила.

Проснулась уже засветло от привычного звона будильника на телефоне. Я забыла накануне перевести время, чтобы встать пораньше, поэтому, учитывая дорогу, уже сильно опаздывала.

Мои надежды на то, что старуха еще спит, не оправдались. Едва я вышла из комнаты, как услышала из темноты (видимо, Мария Александровна все же активно экономила электричество) голос:

– Уборная в конце коридора. Ванная рядом.

Я пробормотала что-то, отдаленно напоминавшее «спасибо», и побежала приводить себя в порядок. От завтрака отказалась – перехвачу кофе по дороге и довольно.

На работу я приехала за минут пять до начала смены, но у входа меня перехватил администратор и отвел к управляющему.

– Ты Петрова или Зайцева? – спросила ухоженная до мозга костей, как и полагается руководителю магазина косметики, управляющая.

– Зайцева, – призналась я.

– Ты же еще не успела оформиться? Мне жаль, – сказала она совершенно безжалостным голосом, не удосужившись услышать мой ответ, – но ты нам не подходишь и с сегодняшнего дня тут не работаешь. Держи, – протянула она конверт. – И не благодари, – махнула перед носом кленовым листочком на длинном ногте. – Удачи.

В конверте оказалось десять тысяч рублей. Не крупными купюрами. На карточке еще десять. Не густо.

Не поблагодарив, как и советовала бывшая начальница, я вышла, искренне сочувствуя неизвестной мне Петровой.

Уже на улице набрала Лизу, которая работала во вторую смену и должна быть дома.

– Супер, что позвонила, – затараторила Лиза, не поздоровавшись. – Ко мне, представляешь, родственники едут. Как хорошо, что ты вчера съехала, а то мне бы пришлось им объяснять, откуда ты вообще взялась. У тебя как, все в порядке? Старуха не выла? – но ответить не дала. – Слушай, мне сейчас некогда – квартиру к их приезду убираю. Давай завтра на работе поговорим.

В общем, я ей так и не сказала, что у меня больше нет работы. Да это и не важно. Я возвращалась домой, пытаясь осознать, что произошло со мной за последние сутки, но никакого разумного объяснения тому, каким образом я смогла не только узнать, но даже изменить события своей жизни, не находила. Была только твердая уверенность, что вчера со мной случилось нечто исключительное. То, что необратимо изменит мое будущее.

Глава II

После того, как я расплатилась со старухой, купила минимальный запас еды на неделю и самое необходимое из умывальных принадлежностей, думать о чем бы то ни было, кроме поиска новой работы, я, признаться, не могла.

Отношения с хозяйкой у нас сложились «никакие», что полностью устраивало меня, трех до сих пор не обнаруженных мною котов и высокомерную старуху Марию Александровну.

Высокомерной я стала называть ее про себя уже на следующий день после увольнения и переезда. Застав меня с утра в любимой пижаме, на которой уже не первый год выцветали коричневые мишки, старуха, причесанная под графиню, несмотря на ранний час, внимательно осмотрела меня с ног до головы, задержала взгляд чуть дольше на плюшевых тапках, подняла брови, пробормотала что-то вроде «ну-ну» и, высоко подняв голову, прошествовала на кухню.

С тех пор я не выходила из комнаты без полного марафета. В моем понимании, конечно. «Мое понимание», как я заметила, также не вызвало одобрения в глазах старухи. Поэтому я старалась как можно реже с ней встречаться.

Как правило, мы пересекались с утра на кухне. Мария Александровна кормила кошек и варила кофе. Вернее, она выкладывала еду в три кошачьи миски – самих кошек нигде видно

не было. Кроме того единственного раза. И то я уже не готова была поклясться, видела их я или нет.

То ли это были самые боязливые кошки на свете, то ли они существовали лишь в воображении Марии Александровны. А теперь и в моем воображении.

На кухню, где мы чопорно говорили друг другу «доброе утро», можно было попасть из моего коридора (ну, то есть из того, где, помимо моей комнаты, были еще три запертые двери) и напрямую из комнат старухи. Сколько их у нее было, я не знала. Стоило мне появиться, как Мария Александровна подчеркнуто тщательно прикрывала малейшую щель, ведущую в ее покои.

Кроме того, с незапамятных времен на кухне сохранился черный ход, на котором, правда, висел ржавый навесной замок. Что, впрочем, не мешало мне несколько раз слышать, как рано утром хлопала эта, как казалось, намертво заржавевшая дверь.

Однако, сколько я не пыталась поверить свои подозрения, неожиданно ворвавшись на кухню, встречала там только Марию Александровну с кошачьи кормом в руке.

– Доброе утро, дорогая, – здоровалась она, одновременно проверяя, надежно ли закрыта дверь в ее часть квартиры.

Я бы с удовольствием завтракала в своей комнате, но интуитивно боялась неудовольствия хозяйки, поэтому наскоро съедала хлопья за кухонным столом, покрытым непрактичной тканевой скатертью, и до вечера уходила из дома. Где-то после восьми Мария Александрова бесследно исчезала, и тогда я спокойно возвращалась обратно.

С поисками работы дела обстояли неважно. Было особенно обидно, когда мне сказали, что я не гожусь в уборщицы.

– Мы ищем специалиста со знанием английского, – последовал ответ.

Так что я перебивалась случайными заработками на соцопросах, что позволяло хоть как-то сводить концы с концами.

К фонтану в своей комнате я давно привыкла, а мальчика с цветком назвала Вовкой. Поскольку мне неловко было сушить белье в общей ванной, я, спросив предварительно у Вовки разрешения и получив молчаливо-утвердительный ответ, стала развешивать на каменной чаше свои трусы и колготки, что, конечно, можно было назвать прямым посягательством на памятник архитектуры. К счастью, Вовка мои кощунственные действия переносил стоически и претензий не предъявлял.

Разумеется, после того происшествия с обмороком я осмотрела фонтан вдоль и поперек, но лишь убедилась в одном – работать он не мог никак. Старуха права. Поэтому разговоров с ней на эту тему (как и на любую другую, будем откровенны) я не заводила.

Зато со мной страдательно пыталась пообщаться любопытная соседка напротив. Каждый раз, когда ей удавалось поймать меня на лестничной площадке, она, не обращая внимания на мои явные поползновения улизнуть как можно быстрее, старалась выведать хоть что-нибудь о хозяйке. Но знала я о Марии Александровне гораздо меньше соседки, в чем в скором времени имела возможность убедиться.

***

Однажды я, как обычно, вернулась домой около восьми. Уже почти вставила ключ, как увидела свет в дверном глазке. Старуха внезапно оказалась дома. Я отдернула руку и уже хотела бегом спуститься вниз (как будто я воришка, а не заплатила честно пять тысяч рублей), как меня радостно перехватила соседка.

– Эй, новенькая, – она так и называла меня с тех пор, как увидела, – Что, хозяйка дома? Да не удивляйся так, – усмехнулась она, заметив, как вытянулось и побледнело даже в желтком свете лампочки мое лицо. – Я твое расписание давно изучила, – что ж, приятно, когда твоя

жизнь, кому-то так интересна. – Убежишь? Давай лучше ко мне, ужинать. Нечего ночами по городу шляться.

Пока я придумывала вежливые отговорки, соседка схватила меня за локоть и чуть ли не силой втащила внутрь.

Я оказалась в точно такой же, как у Марии Александровны, прихожей. За одним маленьким исключением. В отличие от квартиры хозяйки здесь был 21 век со всеми его наворотами и удобствами, поэтому старым стенам оставалось только недовольно бурчать про себя, но терпеть современную краску, навесные потолки и яркий свет энергосберегающих ламп.

Соседка подсунула мне шведские тапки и провела в гостиную. Я предположила, что именно так должна выглядеть одна из комнат хозяйки – просторная, с двумя огромными окнами и тремя дверьми, ведущими в соседние помещения.

Усадив меня за стол, соседка, пока кипел электрический чайник, навалилась на скатерть и завалила вопросами, точно опасалась, что я выскочу из ее шведских тапок и все-таки убегу. Одновременно она выкладывала информацию, от которой у меня шевелились волоски на руках. Может, и ногах. Но ноги я вроде побрила.

– Странная же она, эта твоя хозяйка, да? Я ведь в этом доме почти десять лет живу, а ни разу у нее в гостях не была. И она ко мне зайти не соизволила. А я уж и так, и эдак приглашала, – «тут можно не сомневаться», подумала я. – А эта нос задерет, «дорогой» обзовет и прочешет мимо. Интересно, она так с прической и спит? А? – невольно потрогав свои модненькие короткие волосы, соседка внимательно посмотрела на меня. Помочь ей, увы, мне было нечем. В глазах соседки отразились боль и разочарование. – А ведь, говорят люди, – не иначе она целое расследование провела, – говорят люди, что когда-то ее, – соседка махнула в рукой в сторону, где по ее расчетам должна находится квартира Марии Александровны, – предки чуть ли не всем домом владели. Потом эта квартира, конечно, коммунальной стала. Еще когда я сюда переехала, вместе с твоей хозяйкой три семьи жили, – я невольно представила три запертые комнаты в своем коридоре.

– И что с ними стало? – не удержалась я от вопроса. – Квартиры получили?

– Если бы, – махнула рукой, довольная произведенным эффектом, соседка. – Всех извела. И ни разу не повторилась. Одну, говорят, в дурку упрятала. Второго споила, и он на улице замерз. Третья и вовсе с собой покончила.

– Где? – поежилась я, не особо рассчитывая, что услышу ответ, который меня успокоит.

Соседка улыбнулась. Ее вечер явно переставал быть томным.

– Точно не знаю. Не то в своей комнате, не то в ванной.

Больше никогда, никогда не буду я принимать душ в этой квартире. По крайней мере, пока не узнаю точно, где бывшая жиличка самоубилась.

– И неужели никто Марию Александровну не заподозрил?

– В чем? – удивилась соседка. – Все шито-крыто. И комнаты соседские ей законным образом перешли. Только на фига, вот скажи, ей одной такие хоромы? Может, у нее родственники есть? – не теряя надежды выжать из меня хоть что-то, спросила она.

Я отметила про себя, что соседка живет ровно в таких же хоромах. И тоже одна. Но промолчала.

– Вот тогда-то она и стала жильца искать.

– И что, никого не нашла? – удивилась я, припомнив аппетитные условия, на которые сама клюнула.

Соседка пожала плечами.

– Я, конечно, точно не знаю. Но вроде ей не подошел никто.

Да, подумала я, глядя в замочную скважину много не выяснишь.

– Хотя, – соседка замялась, – показалось мне, что одно время появился у нее кто-то.

– Появился кто-то? – переспросила я, представив бодрого старичка на кухне с букетом.

– Ну, жилец. Или жиличка, – в голосе соседки прозвучала досада. – Я так и не поняла.

– И куда же он или она делись? – спросила я.

– Кто ж его знает? Был и сплыл.

– Был и сплыл? – зачарованно повторила я.

– Ага, – с готовностью замелькала соседка седой макушкой. – Эклер будешь?

До эклеров ли теперь? Но пирожное все-таки взяла. Думала, что кусок в горло не пойдет, однако проглотила и не заметила.

Пора возвращаться домой. Разговор, а, вернее, монолог соседки, постепенно стух, интерес ее ко мне тоже поугас, и чайник она в третий раз ставить не стала, тонко намекая, что пора бы и честь знать.

***

Когда гостеприимный дом за мной закрылся, я, тем не менее, явственно чувствовала, что соседка продолжает внимательно наблюдать в дверной глазок. Что же я буду делать? Удовольствия соседке доставлять почему-то не желалось. Поэтому я вздохнула и поплелась отпирать свою дверь.

В квартире темно и тихо. Несмотря на то, что я уже, конечно, отлично знала, где находится выключатель, свет включать не стала, чтобы не беспокоить хозяйку, если она вдруг окажется дома. В темноте скинула кроссовки и прошмыгнула в своею комнату.

Вечерами я старалась не высовываться, а после рассказов соседки и вовсе трусливо разделась, не глядя, бросила одежду на фонтан и юркнула в постель, где под подушкой прятала пачку печенья.

Соседкин эклер внезапно разбудил аппетит, а воспаленное воображение наполняло будничные звуки за стеной тайным смыслом. Я грызла печенье и, холодея, представляла, как открываются запертые двери в темном коридоре, и растрепанные призраки бывших хозяев наполняют его, шебурша и переговариваясь. И, конечно, повешенная из ванной. Как они подбираются к моей двери, касаются ее с той стороны бесплотными пальцами и шепчут мне пустить их к фонтану.

Должно быть, я уже засыпала, продолжая сжимать недоеденное печенье в руке, когда в дверь постучали.

Я не сразу вырвалась из полудремы и сперва подумала, что стук раздается совсем близко. Что стучат именно в мою дверь. Однако, когда окончательно проснулась, поняла, что кто-то бьется внутрь квартиры из подъезда.

Естественно, я испугалась, подтянула ноги к груди и стала прислушиваться, слабо надеясь, что хозяйка дома сейчас отругает ночного посетителя. Но хозяйка не подавала признаков жизни, а стук становился настойчивее.

Я посмотрела на часы. Всего десять. Выскользнула из кровати, включила на телефоне фонарик и на цыпочках прокралась в прихожую. Уже у самой двери, я выключила свет, по опыту зная, что его можно увидеть в дверной глазок. Притаившись, я стала ждать.

Несколько секунд слышала только свое приглушенное дыхание, а потом в дверь опять заколотили. Я отпрянула, но все же решилась осторожно посмотреть, кто там.

Сначала увидела только темное пятно. Затем пятно колыхнулось, отодвинулось и приняло очертания мужчины в кепке, поверх которой был накинут капюшон. Слабая надежда на то, что стучит соседка снизу, которую я случайно чем-то затопила, растаяла. Отваги поинтересоваться, кого там на ночь глядя принесло, у меня не хватило.

Вместо этого я нащупала свой ключ, который повесила у двери рядом с зонтиком хозяйки, и вставила его в замочную скважину. Отчего-то я решила, что это остановит бандита, если он вздумает вскрывать дверь отмычкой. Если бы я не опасалась лишнего шума, то непременно пододвинула бы к двери старинный комод. А так я вновь на цыпочках вернулась в комнату, оставив свою дверь приоткрытой, чтобы хорошо слышать все происходящее в коридоре.

Неизвестный мужик за дверью предпринял последнюю попытку достучаться, но, видимо, сдался, потому что вскоре в квартире, наконец-то, установилась тишина.

Постепенно меня стало неизбежно клонить в сон. И я не уверена, что звук воды со стороны неработающего фонтана не плод моего бурного воображения. Не видела я и кота, который зашел в приоткрытую дверь, взъерошился на моего друга Вовку, но не сбежал, а отважно прыгнул на него, запутался в моей намокшей футболке, висевшей на цветке в руках Вовки, беззвучно отпрыгнул в сторону прямо на мою кровать, ткнувшись мокрой шерстью мне в лицо.

И тут я проснулась опять. На улице было уже светло, а посреди комнаты стоял небритый, источающий дурной запах, старик в грязных джинсах и бордовой толстовке.

Глава III

Он задумчиво ел мое печенье, которое, очевидно, выпало во сне из-под подушки. Я набрала воздуха, чтобы заорать, но тут он увидел, что я проснулась.

– Наконец -то, – обрадовался небритый старик. – Пошли, закроешь за мной дверь.

Его дружелюбный тон меня не успокоил. Крик, правда, наружу так и не вырвался, вместо этого я издала писк, похожий на звук сдувающегося шарика. П-фффф. Мужик перестал жевать мое печенье и сочувственно покачал головой

– Еще одна чокнутая? Ох, и любит МарьСанна больных и убогих.

– Я не бо-больная, – заикаясь, пропищала я. Видимой угрозы старик не представлял. На вид ему было лет шестьдесят, но, учитывая его явно антисоциальный образ жизни, на самом деле он мог оказаться гораздо моложе, чем выглядел. Голубые глаза сидели глубоко в окружении грубых, точно ножом вырезанных, морщин. Из крупного, покрытого буграми носа, точно некошеная трава торчали волосы.

При всем при этом, на ногах у старика были мягкие гостевые тапки, которые я видела раньше в прихожей.

– Значит, убогая, – сделал вывод он и демонстративно оглядел мои пожитки, хаотично разбросанные по комнате. – Не бохато живешь. М-да, – в его голосе промелькнуло сочувствие. И он опять надкусил мое печенье.

Я хотела выразить протест и против этого однобокого определения моей личности, но вспомнила, что уже вторую неделю сижу без работы, питаюсь дешевым печеньем и стираю одежду хозяйственным мылом. Убогая, что сказать. Другая бы, приехав в большой город, зубами вцепилась в любую возможность, и уже, может, даже замуж за местного успела бы выйти, а я все брожу по улицам, охаю, ахаю да львов считаю. Еще в Чижка – Пыжика пытаюсь монеткой попасть. Но крупных монет у меня нет. Так что и тут не везет.

Старик, тем временем, пошел к выходу, на пороге обернулся и сказал:

– Ну, убогая, чего разлеглась? Вставай.

– Зачем? – спросила я, тем не менее послушно выбираясь из кровати. – И кто вы вообще такой?

Старик улыбнулся, снял воображаемый головной убор и отвесил поклон.

– Михаил. Можно, конечно, и дядя Миша, но это как-то слишком фривольно. Не люблю фамильярности.

– И кто вы такой, Михаил? – осмелела я, набрасывая поверх пижамы халат. Рука никак не попадала в рукав, и Михаил вернулся, чтобы галантно мне помочь. От него невыносимо пахло сыростью, вчерашним алкоголем и душистым мылом хозяйки.

– Я – знакомый МарьСанны, естественно, – удивился он моему вопросу. – Кто ж еще по квартире ее шастать будет без спросу?

Да мало ли кто. Грабители, убийцы, призраки, вурдалаки – я, признаться, допускала любой из вариантов.

За этой милой беседой мы вышли в коридор. Я остановилась и вопросительно посмотрела на старика.

– Дальше что?

Он недовольно скривился.

– Фу ты, убогая, – хотел сплюнуть, но сдержался, ибо не располагала квартира Марии Александровны к подобным пассажам. – Дверь сейчас за мной закроешь, чтобы незнамо кто тут не бродил, пока МарьСанны нет.

Я оглянулась.

– А ее нет?

Старик рассмеялся.

– Откуда ей тут быть, если ты ключ в замок вставила, бестолочь.

– Ой, – вспомнила я и побледнела. Она же теперь меня из дома погонит, наверное. Чтобы там про нее соседка не говорила, другой квартиры-то у меня нет… Убогая, одно слово. Такие столицам не нужны.

Теряя тапки, я бросилась в прихожую, повернула ключ, отперла дверь и высунулась на лестничную площадку. Снаружи никого не было.

– А ты что ожидала, что такая дама, как МарьСанна под дверью ночевать будет? Как бродяга какая-то? – не унимался подоспевший старик. – Она попозже тебе задаст. Когда вернется, – он это даже беззлобно сказал. Даже где-то ласково.

Я закрыла дверь, сунула ключ в карман халата и растерянно обернулась к Михаилу.

– И что мне теперь делать? – уж он-то, как знакомый старухи, должен знать, чем ее разжалобить. Ух, и странные у нее знакомые, ничего не скажешь.

Старик пожал плечами.

– Дверь за мной закрой. Мне через парадный не с руки выходить. Через черный уйду, – и пошел вперед. Но не свернул в коридор, ведущий на кухню, а по-хозяйски толкнул дверь в покои хозяйки.

– Вы куда? – испугалась я. Мало того, что она Марию Александровну в дом не пустила, так еще в ее комнаты проникнет без соответствующих полномочий? На этот счет в договоре особый пункт есть, если память не изменяет. Надо было внимательнее читать.

– Тут быстрее, – небрежно отозвался старик и открыл дверь настежь.

Так я впервые оказалась в комнатах своей хозяйки. Михаил с интересом наблюдал за моей реакцией. Я бы тоже, признаться, со стороны за собой понаблюдала.

***

Стоя на пороге и широко открыв рот, я думала, что даже воздух вокруг меня осквернит убранство комнат, где я оказалась благодаря полумаргинальному человеку по имени Михаил.

Мария Александровна занимала три смежные комнаты. Все они были оклеены тканевыми обоями сочных бордовых с золотом цветов. Спальню я увидела лишь мельком. Это была небольшая комната, которую почти целиком занимала широкая кровать со множеством подушек. Все в тон обоев.

Мы же с Михаилом оказались не то в библиотеке, не то в кабинете. Старинные шкафы из дорогого дерева вплоть до украшенного витиеватой лепниной потолка были забиты книгами в кожаных переплетах. Ни одно из названий я не узнала. Некоторые были и вовсе на французском, английском и даже на латыни.

У окна стоял тяжелый письменный стол с чернильницей и пером, оставленным на коричнево-желтой бумаге.

Библиотека вела в гостиную, где, по сравнению с предыдущими комнатами, было очень просторно, но не менее внушительно, отчего я окончательно растерялась. Стены украшали картины, половина из которых, очевидно, изображала членов семьи Марии Александровны – я легко угадывала черты старухи, как в портретах элегантных господ, так и в образе миловидных

дам. Даже фотографии тут были обрамлены в рамы, что придавало им парадный вид наряду с торжественными, без тени улыбки, лицами старухиных предков.

Среди незнакомых мужчин, женщин и детей, запечатленных в разные годы 20-го века, также не улыбаясь, смотрела на меня хозяйка, невероятно прекрасная в молодости. Но вот ее насупленный взгляд говорил о том, что она явно не одобряет моего бессовестного проникновения в ее жилище.

– Пойдемте отсюда скорее, – сказала я Михаилу, которого, казалось, окружающая антикварная роскошь нимало не смущает. Он по-свойски рассматривал вазы с пасторальными сюжетами, которые хозяйка, видимо, коллекционировала.

– А что? Не нравится? – ухмыльнутся он. – Да расслабься – старухи все равно нет дома. Лучше конфетками давай угостимся. – он, не церемонясь, взял со стола очень красивую вазу, доверху наполненную шоколадными конфетами, вытащил две и протянул вазу мне.

Вот честно, я очень старалась быть аккуратной. Я даже ходила по комнатам хозяйки, высоко поднимая ноги, чтобы лишний раз не шаркать по паркету. Но вазу все-таки грохнула. Конфеты рассыпались по полу, а осколки залетели под стол, в тапки Михаила и даже выкатились в соседнюю комнату.

На мгновенье мы с Михаилом потеряли дар речи. Он очнулся первый.

– Убогая, ты чего? Ты хотя бы представляешь, сколько это бабок стоит? Тебя МарьСанна в ковер закатает. Теперь по-любому. В бега тебе надо.

Ковер очень кстати висел на стене. На нем трое всадников в белых рейтузах торопились куда-то на породистых лошадях с бешеными глазами. Я задрожала, представив, как старуха снимает этот ковер клюкой… или лучше зонтом, так как клюки я у нее не видела, и аккуратно, чтобы не испортить прическу и маникюр, заворачивает в него меня.

– Мамочка, – расстроилась я. И, конечно же, в этот момент в замочную скважину входной двери вставили ключ. Михаил навострил ушки, досадливо ругнулся шепотом, схватил меня и потащил к противоположной двери. Мы оказались на кухне. Посредине стояла раскладушка с неубранной, серого оттенка, постелью. Дверь к черному ходу закрывал кухонный комод. Михаил бросил к нему и стал, скользя по полу, спихивать его в сторону.

– Чего стоишь, убогая, помогай. Бежать надо, пока старуха не поняла, что к чему. Ты даже не представляешь, какая она в злобности.

– Куда бежать-то? – чуть не плакала я, пристраиваясь рядом с Михаилом. – А мои вещи? Мои документы? Моя одежда?

Старик только махнул рукой. Комод со скрипом отъехал в сторону. Проход был открыт. Михаил дернул на себя дверь. В кухню ворвался ветер, растрепав густые брови и немытые волосы старика. Они взвились кверху, как рога дьявола. Схватив меня в охапку, старик крикнул:

– Беги! – и толкнул в спину.

Не успев подумать и опомниться, я в пижаме и плюшевых тапках помчалась вниз. За мной, словно плащ, развевались полы халата.

***

Позади с чувством собственного достоинства захлопнулась дверь. Я не заметила, как проскочила несколько пролетов, остановилась и задрала голову вверх. Вскоре ко мне, бодро перепрыгивая через ступеньки точно семилетний мальчик, подбежал старик. Не задерживаясь, он промчался мимо, дернув меня за рукав.

– Не спим, не спим! Двигаемся веселее, – услышала я уже откуда-то снизу.

Погони вроде не наблюдалось, но я послушно помчалась вслед за Михаилом.

Добралась до него только на первом этаже, где он стоял, придерживая для меня дверь. При этом озирался и нетерпеливо подпрыгивал на месте.

– Ну, наконец-то, – проворчал старик и, перескочив через лужу, очутился на тротуаре. Щелкнул замок. Обратный путь отрезало. Я тоскливо и чуть-чуть испуганно посмотрела на себя со стороны. Убогое зрелище предстало перед моим внутренним взором. Нелепая девица с всклокоченным хвостиком, в старой выцветшей пижаме, голубом банном халате и плюшевых тапках ежится от холода на пустынной улице. Редкие прохожие, проходя мимо, ускоряли шаг, но одаривали меня лишним вниманием. Мало ли что в Питере увидишь поутру.

– А теперь что? – робко поинтересовалась я у старика. – Может, все-таки вернуться и повиниться?

Михаил, невозмутимо жмурясь от раннего, еще зевающего солнышка, запустил руку в карман, достал оттуда горсть изюма вперемежку с шелухой и мелочью, протянул мне, а когда я отказалась, неторопливо сказал, причмокивая:

– Не советую. МарьСанна женщина великая, но вспыльчивая. Она и полицию вызвать может. Пойдем лучше завтракать. Вазочкой этой, если память мне не изменяет, еще прабабка ее пользовалась, – тут он резко приблизил ко мне лицо. На губе у него прилип кусочек изюма. – Сказано тебе было – не совать нос в чужие дела?

В другом положении мне, очевидно, имело смысл возмутиться, затопать плюшевыми тапками, напомнить, по чьей милости я грохнула прабабушкину вазу. Но теперь Михаил стал для меня мужчиной, от которого я не планировала отлипать. По крайней мере, до того момента, как я не придумаю, что делать дальше.

– И куда мы сейчас пойдем?

– Сказал же – завтракать. Жрать я хочу, – старик нащупал языком недоеденный кусочек изюма, который, вероятно, доставлял ему определенный дискомфорт, и ловко его слизнул.

– Завтракать? – переспросила я. – В халате?

Михаил глянул на мой наряд, как будто только сейчас заметил некоторый диссонанс.

– А ты стиляга. Лапти – вообще Джимми Чай. Писк.

– Джимми – кто?

Но старик уже, весело посвистывая, припустил в сторону Невского.

– Чай, говорю, пошли пить.

Невский проспект прекрасен всегда, но особенно он хорош в шесть утра – свежий, умытый, солнечный, пахнущий кофе и хорошим предчувствием. Туда-сюда мелькают, громыхая по тротуару, огромные чемоданы иностранного производства. Несутся горячие стаканчики, скачут рюкзаки, мелькают еще мокрые после утреннего душа волосы, зевают круглосуточные кафешки. Если поначалу я и беспокоилась о том, как воспримет Питер мое внезапное появление в халате, то вскоре не без радости убедилась, что Питеру на мой халат, а тем более тапки, глубоко плевать. Я даже приосанилась, накинув на голову капюшон, и вообразила себя эксцентричной французской певицей, которая бежит за утренним круассаном после ночного клуба в сопровождении экстравагантного друга. Как и положено французской певице. Понимаете?

– Странная ты, – прервал мои приятные фантазии Михаил. – И что ты теперь делать будешь? Убогая, бездомная. И документов нет. Даже жалко тебя, – он то убегал вперед, то останавливался, чтобы дождаться меня, сказать какую-нибудь гадость и опять ускакать. – Угораздило тебя в старухины комнаты пойти? Сладенького захотелось, да? Ух, убогая.

От возмущения я даже надула щеки. Мое терпение лопнуло. В конце концов, я почти звезда французской эстрады, хоть он об этом и не подозревает.

– Чего вы себя не жалеете? Тоже, небось, живете не весело?

Старик остановился и расхохотался. – Дурочка! Я как раз очень весело живу. Всю жизнь только так мечтал. Я же за свои годы каких только костюмов на себя не примерил – и свадебный, и деловой, и пижамный с детской отрыжкой. Все не то. Скукотища. Только сейчас жить и

начал. Спасибо МарьСанне. Надо ей чего-нибудь вкусненького вечером принести, – задумчиво добавил он сам себе. А я обрадовалась.

– Значит, мы к ней мириться пойдем? Здорово как, – потом подумала и погрозила старику пальцем. – Чуть вы меня не провели. Она же в действительности не будет из-за той вазы ругаться? Вы все придумали?

Прежде чем ответить, старик огляделся, выцепил взглядом девчонку-подростка в бейсболке, которая украдкой, чтобы не попасться на глаза уборщикам, клеила на столбы и остановки объявления. Заметив старика, она по-свойски ему улыбнулась и подмигнула. Потом натянула бейсболку так, что она скрыла ей почти все лицо, вскочила на самокат и укатила в сторону Дворцовой площади.

Дружески помахав девчонке вслед, хотя она и ни разу не оглянулась, Михаил подошел к ближайшему столбу и ткнул в него пальцем.

– На, читай.

В объявление на коричнево-желтой бумаге написано красивым старинным почерком чем-то вроде чернил. Которые похожи на кровь.

«Сдается комната с фонтаном».

Я прочитала два раза и оторопело посмотрела на старика, ожидая разъяснений.

– Опоздала, убогая. Очень ты старуху расстроила.

Пока никто не успел позариться на мою родненькую комнату с фонтаном, я виновато оглянулась, сорвала листок со столба и запихнула его в карман халата под кривлянье и ухмылки Михаила.

– Ну, ну, – прокомментировал он мои старания. – Туда посмотри.

И махнул рукой на проспект, улетающий стремительным уличным движением в сторону Зимнего. Я с изумлением увидела, что по обе стороны дороги, возле книжных и булочных, театров и памятников, прохожих и приезжих желтеют проклятые старухины свитки. Я открыла рот в беззвучном проклятии. Когда только девчонка успела? Ответ на этот вопрос я получила почти сразу. Утренний Невский заполонили, неведомо откуда налетевшие девицы в одинаковых бейсболках. Они сновали туда-сюда на скейтах, роликовых коньках, в ветровках, джинсовых куртках, комбинезонах. И у всех до одной лица были скрыты широкими козырьками желто-коричневых кепок.

– Это откуда же они все взялись? – ахнула я и украдкой от Михаила ущипнула себя за руку. Ущипнула, видимо, не сильно, потому что морок не развеялся, как любое порядочное видение после безжалостного приведения себя в чувство.

Но самое поразительное, что похожие, которых нимало не смущал мой игривый халатик, одинаково не обращали внимания и на девчонок в бейсболках. Обрадовавшись, я с энтузиазмом бросилась срывать объявления. Пояс развязался, но я, несмотря на очевидные неудобства, ловко лавировала, хлопая полами халата, между чемоданами и шпильками и вежливо бубнила под нос: «Извините… прошу прощения… не заметила… очень надо». Вскоре я доверху наполнила карманы старухиными каракулями. (Вообще-то почерк у нее был очень даже ничего, но сделайте скидку на мою тогдашнюю злобность).

Устала жуть как. Даже дикая мысль возникла у одной из нахалок самокат угнать. Но стоило мне приблизиться к кому-то из них, как козырек опускался еще ниже, а девчонка, приветливо махнув моему старику, улетала прочь. Я так расстроилась, что плюхнулась прямо на тротуар по-турецки и заплакала. Михаил присел рядом на корточки. Странно, но теперь от него отчетливо пахло мятной зубной пастой.

– Притомилась, девонька? – неожиданно с сочувствием спросил он. – Ну, будя, будя реветь-то. Когда это слезы горю помогали?

Он погладил меня по волосам, а я, как изголодавшейся по ласке котенок, которого любили, любили, а потом взяли да выбросили, прижалась к его рукам несчастной своей макушкой.

– Почему я така- а -а-я невезучая? Что со мной не так? Надо Лизке позвонить – вдруг приютит?

– Не, не приютит, – покачал головой старик. – Ее родственники плотно в Питере осели. Погонит она тебя.

Я крякнула.

– А вы-то откуда знаете? – отстранилась от него, постаралась в глаза заглянуть. Но они чего-то совсем потерялись в мешанине бровей и морщин.

– Пойдем лучше кофе пить.

Какой житель современного города не любит пить кофе? Кофе в стаканчике, купленный по дороге в офис, который ты трепетно проносишь сквозь толпу, пробки, пешеходные переходы и метро, делают твое утро похожим на утро миллиона других жителей города (с условием, конечно, что мы говорим о большом городе, где эти миллионы наберутся), не выделяют из массы несущихся стаканчиков с торчащими из них неэкологичными соломинками.

Но именно в этот халатно-нелепый момент мне больше всего хотелось не выделяться. Напротив, мечталось слиться, затеряться, стать, наконец, нормальной.

Затянув потуже пояс (не в переносном смысле, как вы, конечно, догадались), я позволила Михаилу взять себя за руку и потащить за собой.

Переходя через Мойку, я высвободила руку, достала из карманов скомканные объявления и бросила их в речку. Очень неторопливо, с достоинством военных кораблей, поплыли они в сторону Невы. Наверное. Может, по пути они передумают и свернут в какой-нибудь другой канал, чтобы там, окончательно размокнув, расползтись на обрывочные слова и цифры.

Пока мы не оказались возле одной из популярных забегаловок быстрого питания, я не задумывалась, на что именно мы будем покупать кофе. Это же ко-фе. На него всегда есть деньги.

Но только не у Михаила. Он пристально сквозь стекло осмотрел помещение, потом жестом предложил мне подождать снаружи и шустренько проник внутрь.

В какой-то момент я догадалась, что будет дальше. Михаил пригладил одежду и волосы, по-свойски огляделся, опытным взором вычислил парочку посетителей, которые доедали свои завтраки, беспокойно поглядывая на часы, и после нескольких неудачных попыток раздобыл для нас два недопитых стаканчика с кофе.

– Я не буду это! – возмутилась я, когда старик, благополучно миновав презрительно оглядевшую его уборщицу, вышел на улицу и попытался всучить мне заказ.

– Как хочешь, – не особенно расстроился он и расплылся после первого же глотка в счастливой улыбке. – Хорошо жить – ничего не скажешь!

Мы шли в сторону Исаакия по пустынным улочкам, мимо маленьких магазинчиков и кафешек, робко спрятавшихся под крылом солидных Питерских махин. Старик допил свой кофе и уже потянулся к моему, как я внезапно для самой себя вырвала стакан у него из рук.

– Давайте уж!

Кофе, конечно, уже остыл, но я жадно пила под язвительное хихиканье Михаила. Сзади к нам неспешно приближалась поливальная машина. Я хотела отскочить в сторону, но Михаил вдруг с не перестающей поражать ловкостью подтолкнул меня вперед под холодный и не уверена, что сильно полезный, душ.

Я крепко зажмурилась. Глаза я открыла уже в комнате с фонтаном. Была еще поздняя ночь. На лице у меня лежала мокрая футболка. В дверь неистово стучали. Кошачий хвост мелькнул в коридоре.

Глава IV

Я выпрыгнула из постели и помчалась на кухню. В потемках пробежала по знакомому коридору мимо запертых дверей бывших хозяев, притормозила на пороге кухни и осторожно заглянула внутрь.

Между плитой и столом стояла раскладушка. На ней бесформенным ворохом кто -то лежал. Ну, почему же кто -то? Михаил, конечно.

Я вернулась обратно, подкралась к входной двери и прижалась к глазку. На лестничной клетке маячил неизвестный в низко опущенной на лицо кепке и капюшоне.

– Вам кого? – тоненьким, явно не своим голосом, пропищала я.

– Ты дома! Ура! – обрадовалась кепка в капюшоне. – Открой дверь. Это очень важно.

– Мне это совсем не важно, – воспротивилась я. – Вы, наверное, ошиблись. Кто вам нужен?

Темное пятно снаружи покачнулось.

– Мне сейчас совершенно точно нужна ты. Открой дверь. Если не откроешь…

Ну вот, наконец -то пошли угрозы. Если не открою, он ее выломает, а меня побьет, ограбит или что там принято делать в таких случаях?

– Если не откроешь, никогда не узнаешь, что будет дальше, – абсолютно загадочной фразой завершила кепка.

Я стояла в раздумьях. По идее, мне стоит лишь вернуться обратно в постель, не вставляя ключ в замочную скважину. Тогда старуха сможет вернуться домой, а я никогда не познакомлюсь с Михаилом.

А если я открою дверь? Совершенно точно одно – если я не открою ее, я никогда не узнаю, что будет дальше.

Не сочтите меня безответственной дурочкой, хотя другого мнения и быть не может, но я вставила ключ в замок и открыла.

На пороге был высокий парень. Лица его я не смогла рассмотреть даже теперь, стоя рядом на расстоянии мятного дыхания. Длинная куртка не по теплой погоде, желто -коричневые ботинки – примерно сорок шестого размера, красивые руки с длинными пальцами. (Не удивляйтесь, но длинные пальцы у парней моя слабость).

И вот он притянул меня этими красивыми руками к себе, быстро, но приятно поцеловал, не дав закричать, отпустил и, не говоря ни слова, помчался вниз по лестнице.

Я оторопело стояла в открытых дверях, ни черта не понимая: что это было?

Неизвестный прытко доскакал до первого этажа и выбежал на улицу. Бух! В подъезде стало так тихо, что я слышала, как на втором этаже шипит испорченная лампочка.

Я озадаченно потерла голой пяткой одной ноги лодыжку другой и решительно вышла на лестничную клетку. Подошла, чуть подпрыгивая от соприкосновения с холодной плиткой, к перилам и свесилась вниз.

Никого.

И только на втором этаже то зажигался, то гас пугающий желто -горчичный свет испорченной лампочки.

Я поспешила обратно в квартиру, заперла дверь, убедилась, что не забыла в замке ключ, и пошла к себе в комнату. Сейчас мне явственно слышался приглушенный храп из кухни, прерываемый не то повизгиванием, не то щенячьим поскуливанием.

Не сказать, чтобы я совсем не боялась Михаила, иначе не стала бы баррикадировать дверь стульями, чемоданом и столом (ну, ладно, стол мне с места сдвинуть не удалось – умели все -таки раньше мебель делать). Однако его присутствие хоть немного убеждало меня в том, что, выражаясь языком моего брата, «крыша моя еще не окончательно потекла».

Подумав об этом, я невольно потрогала себя за голову. Ничего примечательного или необычного, кроме гривы спутанных волос.

Я сняла халат, но не стала, как обычно, бросать его на фонтан, а закинула на стул, который ненадежно, но хоть как -то успокоительно для моих нервов, придерживал дверь.

Постель успела остыть. Я свернулась калачиком и, не спуская глаз с каменного мальчика (что -то мне расхотелось называть его Володькой), задумалась о том, что за фигня происходит в моей жизни.

«Это все потому, что ты не знаешь, чего хочешь!» – строго сказала в моей голове мама, поправляя очки. – «Займись, наконец, делом. Найди работу. Ты зачем из дома уехала? Столицы покорять? А вместо этого, что делаешь? Живешь у какой -то чокнутой старухи, с несуществующими котами и старым бомжом на кухне. Докатилась!» – мама неодобрительно покачала головой и поджала губы, выжидающе посмотрев на папу.

«Да она всегда такая безалаберная была. Чего с нее взять? И туда же – в Питер поехала. Домой возвращайся, убогая», – презрительно сказал папа и обернулся к маме, ища одобрения.

Где -то совсем далеко, за семью замками и туманами, противно захихикал брат. Почти как Михаил.

«Похудела совсем», – вздохнула бабушка, – «Эх, горе ты луковое!» – и, закинув полотенце на плечо, отвернулась к плите.

Я поняла, что засыпаю и до смерти хочу бабушкиных чебуреков. Рука сама собой нырнула под подушку, порыскала там в поисках печенья. Печенья не было. Только крошки кололи пальцы.

Ах, ну да – печенье съел Михаил. Да как же он мог, с другой стороны? Это он их тогда съел, когда я дверь на ключ заперла. А сейчас -то все в порядке. Мария Александровна, если я верно уловила логику происходящего (Господи, я еще ищу тут логику!), вернется домой, а утром Михаил исчезнет вместе со своей раскладушкой.

Но печенье от этих мыслей не появилось. Хотя я и надеялась вообще -то.

С трудом оторвав свое сонное тело от подушки, я осмотрела залитую лунным светом комнату. Ага, вот оно. Вернее, не оно, а только обертка одиноко валяется возле фонтана. Куда ее Михаил бросил. Что за наваждение? Я перевела взгляд на каменного мальчика. На секунду мне показалось, что он мне подмигнул.

Я просто уже сплю.

«Вот и спи, непутевая», – нежно сказала бабушка. Я почувствовала ее руку у себя на голове. Все пальчики у нее были в грубых трещинках. Бабушка не переносила современных «прибамбасов» и стирала руками.

«Я исправлюсь, бабуля», – подумала я. – «Завтра же начну новую жизнь и постараюсь разобраться со всей этой чепухой».

Бабушка не ответила, а только улыбнулась.

Я решила, пока окончательно не уснула, подумать о своей новой жизни, составить план, помечтать, как начну утро с гимнастики и контрастного душа. Как напрямую спрошу Марию Александровну о Михаиле (ага, как же!).

Но думалось почему -то только о парне в капюшоне. И о том, как он меня поцеловал. И о том, что мне это жутко понравилось. Так понравилось, что в животе, словно букашки елозят, стоит об этом поцелуе подумать. И щекочут, щекочут, щекочут….

Я уже спала, когда из -за каменной чаши выглянула наглая кошачья морда и с ухмылкой облизнулась. Кот мягко подошел к моей кровати, запрыгнул и уютно устроился возле моей руки. Я заулыбалась во сне. А утром, когда только стало рассветать, кот встал, потянулся, приблизил морду к моему лицу, лизнул и выпрыгнул в открытую форточку.

***

Начать новую жизнь следующим утром мне решительно не удалось. Я проснулась поздно и, лениво прогоняя солнце с лица, не сразу сообразила, что ночные приключения не привиделись мне во сне.

И только, когда взгляд упал на заставленную вещами дверь, я окончательно убедилась в необходимости назревших за последние недели перемен.

Итак, какие выводы из происходящего мог бы сделать взрослый разумный человек, коим я, по всей видимости, не являюсь.

Во -первых, чертов фонтан в моей комнате. Любая здравомыслящая личность уже давно было вызвала сантехника, чтобы проверить, какого дьявола из него то и дело подтекает вода. Вдруг однажды я затоплю соседей, и мне выставят колоссальный счет, оплатить который я, естественно, буду не в состоянии.

Во -вторых, не стоит ли мне втихаря сходить на прием к магам и колдунам и провести обряд снятия… снятия – тут я запнулась, потому как совершенно точно не представляла, что именно и с кого мне надо снимать.

В -третьих, буду последовательна, чтобы не сбиться в очередной раз с умной мысли на мечтательные размышления о парне в капюшоне – надо покопаться в интернете (я современный человек или доисторическое ископаемое, в конце концов?) и узнать, не упоминается ли в уважаемых источниках по мистическим и необъяснимым легендам Питера моя странная квартира вместе с ее полоумной хозяйкой, фонтаном и прочей ересью.

В -четвертых, если я в ближайшее время не найду работу и не съеду отсюда, то весьма вероятно в один прекрасный момент исчезну, как три предыдущих владельца этой необыкновенной жилплощади.

И, кстати, неплохо было бы выяснить, кто снимал комнату с фонтаном до меня.

Весьма довольная собой и своей рассудительностью, я бросилась разбирать дорогу к еде, ибо потратила такое количество интеллектуальных сил, что их срочно требовалось восстановить с помощью углеводной атаки.

На гимнастику я, конечно, забила. Завтра сделаю.

В коридоре помимо чарующего аромата таинственности, который, с удивлением поняла я, появился этой ночью, до головокружения пахло хлоркой. Но не это привлекло мое внимание. Дверь в одну из неизменно запертых комнат была приоткрыта, и внушительная полоска дневного света освещала всегда темный и мрачный коридор, в котором, впрочем, я уже прекрасно ориентировалась.

Я застыла в мучительных раздумьях. С одной стороны, мне прям очень хотелось в туалет. Но с другой – настоящая героиня не может позволить себе проявить слабость, когда у нее появляется шанс пролить свет на главную загадку, случившуюся в ее жизни.

Поэтому танцующей походкой я подкралась к приоткрытой двери и, вытянув любопытный нос, заглянула внутрь.

Комната была абсолютно пуста. Ни мебели, ни люстр, ни мусора, ни пыли. Абсолютная стерильность и белизна. Мне казалось, что там даже воздуха нет. Я отступила назад, почувствовав на себе пристальный взгляд.

Как в замедленной съемке повернула я голову навстречу своим ощущениям. В междумирье, соединяющем мой коридор и кухню, стояла Мария Александровна. В длинном темно -синем платье, с крупной брошью в виде кота с зелеными изумрудами вместо глаз. При этом на руках у нее были желтые резиновые перчатки. Она трепетно и нежно прижимала к груди вазочку. Я, конечно, узнала ее с первого раза.

– Какие-то проблемы, дорогая? – спросила она приторно -холодным тоном.

Под ее пронзительным взглядом я особенно явственно вспомнила, как сильно хочу в туалет.

– Нет, нет… я просто … иду в ванную, – лепетала я, чувствуя, как уменьшаюсь в ее глазах.

– Ну и прекрасно, – кивнула старуха. – А то я уже испугалась, что мы стали плохо понимать друг друга.

Она смотрела на меня вплоть до того момента, как за мной закрылась дверь в туалете. Я, кстати, просидела там гораздо дольше, чем собиралась, надеясь, что за это время Мария Александровна уберется восвояси и мне не придется заваривать лапшу под ее молчаливое аристократическое презрение.

Но нет. Когда я по -кошачьи незаметно (как мне казалось) просочилась на кухню, Мария Александровна, с прямой спиной, как прима Мариинского театра, стояла возле стола, начищая свою драгоценную вазу.

В кухне особенно пахло хлоркой. А при закрытой форточке казалось, что этот запах повис в воздухе, чтобы вобрать и разбить на атомы дрожащую в лучах солнца пыль, которая, кажется, трепетала при виде старухи не меньше меня.

Я невольно поискала глазами постель Михаила, но, естественно, ничего не нашла. Зато почти сразу поняла, что сегодня тут нет так: исчезла одна из трех кошачьих мисок, а дверь черного хода была наглухо заколочена двумя старыми досками крест накрест.

– Вы хотите меня о чем -то спросить? – прозвучало прямо за моей спиной.

От неожиданности я резко повернулась. Старуха не успела отойти, и я выбила вазу, которую она по -прежнему сжимала в руках.

Ваза стремительно полетела вниз под мой крик «не -е -е -ет», грохнулась, осколки залетели под стол, в тапки Марии Александровны и даже выкатились в коридор.

Я с ужасом смотрела на усыпанный драгоценным стеклом пол. Он сверкал рыдающими бриллиантами моих отпущенных под подписку о невыезде слез. Через минуту начала дышать и обречённо подняла глаза на старуху.

Мария Александровна обвела кухню невозмутимым взглядом, медленно сняла резиновые перчатки, бросила их в мусорное ведро и, поправил причёску, сказала спокойно.

– Ну что ж. Так тому и быть.

Я очнулась и бросилась суетливо подбирать осколки.

– Может, ещё удастся склеить? – набрав полную горсть стекла, спросила я. – Я не специально, честное слово.

– Ах, оставьте, – досадливо махнула рукой Мария Александровна. – Сейчас дам вам адрес. Съездите, купите такую же.

Я приуныла. На оставшиеся на моем счету деньги можно разве что в магазин «все по 70» на экскурсию сходить. И тем не менее, я покорно взяла написанный безупречным почерком старухи адрес на знакомой плотной желто -коричневой бумаге, оделась и, так и не позавтракав, поехала за вазой.

***

В метро, несмотря на разгар рабочего дня, было полно народу. Толпа на Невском проспекте нежно отнесла меня к противоположному выходу. Вцепившись в рюкзак, я стояла, медленно растекаясь в сауне из курток и пальто в масляный блин, и старалась не дышать утренней котлетой моего соседа слева. Из -за чего очень скоро шея затекла в позиции «а что там в вагоне интересного происходит».

Двери открывались и закрывались, мелькали люди, сумки, телефоны. Сердитое причмокивание перемежалось с обвинительным «вы не выходите!?». Давно просочился в свое время и растворился в прошлом мужик, пахнущий утренней котлеткой. Я то выдыхала, обретая свою форму и вес, то опять сжималась, теряясь в очередной порции пассажиров, которую щедро подсыпала новая станция.

Не представляю, как узнала его. Лица я не видела. Помнила голос, кепку, капюшон, свое недоумение, загадку, пустой подъезд, мерцающую горчичную лампочку, глаз любопытной соседки в замочной скважине и, конечно, блуждающий вкус электрического поцелуя на своих губах, в своей голове, в своем воображении.

Но это точно был он. В руках короб с логотипом быстрой доставки быстрой еды, самокат, желто -коричневая кепка, из -под капюшона торчит широкая (слишком широкая, сказал бы пластический хирург) улыбка, которой он отвечал на толчки и шипение.

Не сводя с него глаз, я надеялась, что он тоже почувствует меня. Я, как паук, закидывала в его сторону невидимые нити, пытаясь взглядом развернуть к себе. Однако он только мотал головой в такт музыке, которая выбегая из его ушей, терялась в сумке.

Он вышел за одну станцию до моей. Уже на платформе обернулся. Увидел меня в вагоне. Я стояла, вцепившись в рюкзак, и с надеждой пыталась спросить взглядом, узнал ли он меня. Он растерялся, потом обрадовался, поднял руку и помахал.

Я неуклюже махнула в ответ. «До встречи». Очнулась, когда поезд уже тронулся с места.

Пробившись сквозь «извините, извините» и «раньше надо было готовится», в ответ пробралась к выходу и, как только двери на следующей остановке открылись, выбежала на станцию, но помчалась не к выходу, а на противоположную платформу, на поезд в обратную сторону.

«Время нельзя повернуть назад», – повторяла я, подпрыгивая от нетерпения. Я не сомневалась, что, когда вернусь, застану его на том же месте, с той же рассеянной улыбкой на мягких губах, от которых в сердце бьет ток.

Я выскочила из вагона и затормозила. Мимо, как в быстрой перемотке, туда -сюда гигантскими черными тараканами бегали люди, и люди, и люди. Потом они исчезли, и я осталась на станции совсем одна. Наедине со своим разочарованием. В тишине со своим одиночеством. В отчаянии от своей глупости.

С внезапной грустью на закорках, которая опустила мои плечи, через несколько минут я вышла на нужной станции. Стеклянные двери метро выпустили меня в лабиринт бетонных многоэтажек, сквозь которые я, огибая раздраженных моей медлительностью прохожих, плутала в поисках дома, указанного старухой в записке.

***

Я предполагала (представляла в воображении), что дорога приведет меня к забытому архитекторами и строителями города деревянному домику, если не на курьих ножках, то, по крайне мере, с веселыми ставнями, на которых будут изображены красные петухи.

Ну ладно. Это я преувеличиваю. Скорее всего мой путь лежал в какой -нибудь подвальный магазинчик, где немолодая продавщица во фланелевом халате и резиновых тапках, в которых потеют, но не устают, ноги, торгует старьем, которое ей несут старики со всего района. Если такие магазины вообще существуют.

К удивлению, я пришла к высокому офисному зданию, внутри которого охранник, не посмотрев на меня, назвал этаж и нажал кнопку, пропуская внутрь.

Поднявшись наверх, я оказалась в очередном лабиринте. Бледно -лимонные коридоры с чередой одинаковых серых дверей петляли, изворачивались, меняли направление и были совершенно пусты. На большинстве дверей отсутствовали таблички и указатели. Я могла петь, танцевать и рисовать на полу, и, кажется, никто не сказал бы мне и слова.

Время от времени я находила наполненные доверху водой кулеры с пирамидой пластиковых стаканчиков. Урны возле них были пусты.

Я еще раз сверилась с запиской Марии Александровны. Комната № 57.

Увы, если тут и была какая -то логика в нумерации кабинетов, я ее еще не постигла. Обнаружив комнату под номером 56, я с надеждой ринулась дальше и с удивлением наткнулась на номер 54. Пошла обратно, хотя была почти абсолютно уверена, что 57 -го там не было, и лишь удостоверилась, что перед 56 располагался 59 кабинет. Как будто кто -то нарочно бегал по коридорам и менял в хаотичном порядке таблички с номерами.

На всякий случай я попробовала открыть дверь 59, но та оказалась заперта. Дернула 56. Результат тот же. От безнаказанности и безнадежности я вошла в азарт. Носилась по коридору и с одинаковой бесполезностью ломилась во все запертые двери.

Когда я исследовала таким образом как минимум два змееподобных коридора, то поняла, что заблудилась и понятия не имею, где лифт, на котором поднялась наверх. Лифт мне понадобился, поскольку в голову, наконец, прилетела светлая мысль спуститься вниз и уточнить у охранника (да хоть у какого -то живого человека, а не лимонной стены) не является ли нужный мне этаж закрытым и, может быть, даже опасным для нахождения живым существом пространством.

Но и лифт пропал, точно я вознеслась сюда по воздуху, как Мэри Поппинс. Не отчаиваясь (ибо, какой смысл отчаиваться, когда никто не увидит, как ты заламываешь руки), я кинулась искать лестницу, одновременно пытаясь набрать номера, которые значились по этому адресу. Но меня вновь ожидал неприятный сюрприз. Телефон перестал ловить сеть.

И тут, если я скажу, что паника обошла меня стороной, то совершенно точно совру. Страшненько все -таки стало.

Обливаясь тремя потами, я носилась мимо инструкции по эвакуации, информации по празднованию 14 -го февраля неизвестной компании, мимо огнетушителей и кулеров, стаканчиков и запертых дверей.

Один раз мне даже показалось, что я вижу впереди человека, стремительной походкой удаляющегося от меня за очередной поворот. Припустила с криком «Стойте, помогите мне!» за ним, но, когда домчалась до нового витка лабиринта, не нашла никого, даже эха шагов.

В конце концов, страх стал побеждать со счетом 3:1. Я опустилась на пол и взвыла. Сначала тихо, потом все громче и громче. Минут через десять я охрипла и замолчала. Но вой продолжал еще долго бродить по коридорам.

Сначала я, естественно, решила, что у меня начались, как и положено в таких случаях, слуховые галлюцинации. Но вой настойчиво не утихал, так что я предположила, что будет неплохо попытаться (по крайне мере, попытаться!) найти его источник.

Навострив уши и высунув язык, я потрусила по следу. Вскоре между мной и воем осталась только дверь под номером 55. Не особо рассчитывая на удачу, я разбежалась, насколько это позволяла ширина коридора, и врезалась плечом в ДСП. Вой по ту сторону стал удивленным.

Тогда, окрыленная надеждой, что тут все -таки могу найти признаки жизни, я повернула ручку и …

***

В огромном кабинете с окном -эркером в сугробах из порезанных бумаг сидела длинноволосая девушка в бейсболке, скрывающей пол -лица, и пораженно подвывала.

Прямо за девицей, утопая в бумажных ошметках стоял массивный стол, на котором как попало были раскиданы стопки картонных папок разной высоты. В углу, как пузатый заслуженный старик, дремал старый кожаный диван. Его точно забыли разбудить, когда переносили в это современное офисное здание, и он в маразме плохо понимал, где находится и что происходит.

На стене крупными выпуклыми фиолетовыми буквами (не исключено, что в темноте они еще и светились) было написано: «МИСТИКА И БРЕД ПЕТЕРБУРГА». Под ними чуть помельче – ежемесячная торгово -развлекательная газета.

Глава V

Не переставая пялиться на меня, что я не могла видеть, но чувствовала каждой клеткой тела, девица стала постепенно утихать, пока, наконец, ее вой не вылетел в коридор и не потерялся там в многочисленных переходах.

– Если бы ты сейчас не явилась, я бы спятила, – плаксиво выдала девица, по -прежнему не вылезая из бумажного вороха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.